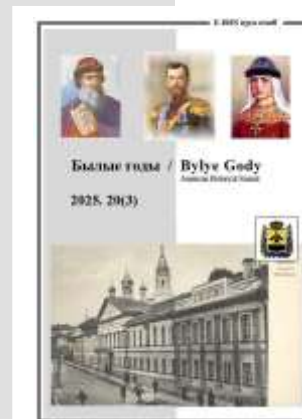

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1250-1260
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1250

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Caucasian Highlanders in the Ranks of the Russian Army in the 1830s–1870s: Imperial Integration Policy and Problems of Incorporation

Evgenii A. Avdeev^{a,*}, Sergej M. Vorobev^a, Alexey A. Lagunov^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article, based on a number of archival materials and documentary sources, examines the imperial policy of integrating Caucasian highlanders by recruiting them for military service in the 1830s–1870s. Ensuring the loyalty of the mountain population to the imperial authorities and incorporating the mountain elites into the Russian privileged service class become significant political tasks. The integration of the highlanders was flexible, based on respect for faith, linguistic and cultural characteristics, and was distinguished by trust. A sign of trust was the involvement of representatives of the Caucasian nobility in escort service at the highest court as part of the Life Guards Caucasian-Mountain Half-Squadron. During this period, a number of systematic steps were taken to organize training on special terms for noble mountain youths in the St. Petersburg and then Moscow cadet corps. Irregular cavalry units were formed from among the mountain population. At the final stage of the Caucasian War, a practice was formed that gave the opportunity to the offspring of a noble mountain family to enter regular military service with the subsequent possibility of promotion to officer. At the end of military operations, police units from the local population are created to ensure security and public order. The involvement of highlanders in military service, despite significant difficulties in staffing the units being formed, cases of defection to the enemy, the presence of cultural, linguistic and religious barriers, contributed to the solution of the political problem of incorporating local elites into the service class of the empire, and also helped to ensure the loyalty of broad sections of the population and form a system of local government.

Keywords: Caucasus, Russian Empire, imperial policy, highlanders, Caucasian War, Caucasian administration, military service, highland regiments, highlander cadets.

1. Введение

Включение Кавказа в состав России в 1830–1870-х гг. во многом зависело от лояльности российским властям горского населения и местных элит. В этой связи одной из задач имперской политики на Кавказе была интеграция горцев в Российскую империю, постепенная инкорпорация местной знати в сословную структуру путём привлечения её к военной службе. Реализация этих задач предполагала учёт особого менталитета горцев, их образа жизни и принадлежности в большинстве своём к исламу. Одним из факторов, усложняющих интеграционные процессы, являлось то, что значительная часть горской элиты была подвержена турецкому влиянию, которое активно подогревалось османскими властями. Облегчало эти процессы то, что в российской армии ещё с допетровских времён служили представители многих народов и конфессий. В Российской империи имелся богатый опыт приёма на военную службу представителей разных народов и продвижения их по карьерной лестнице.

Принимаемые меры по привлечению горцев к военной службе в ходе Кавказской войны и последовавшего за ней замирения края позволяли решить ряд важных государственных задач,

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

сформировать эффективные интеграционные практики, обеспечить доверие и лояльность местного населения и ускорить процесс инкорпорации элит в российское сословное общество. Военная служба давала возможность воинственным горцам, непривыкшим к мирному труду, не только проявить себя в ратном деле, но и улучшить своё материальное положение, получить перспективы карьерного роста. Значение этих политических задач понималось и подчёркивалось руководителями российской военно-гражданской администрации на Кавказе. По словам главнокомандующего Кавказской армией и кавказского наместника А.И. Барятинского, среди горцев «сложился многочисленный класс людей, который умеет жить одним оружием и должен или продавать нам свое мужество, или обратить его против нас» (Зиссерман, 1890: 439). Он также подчёркивал, что горцы, принимаемые на военную службу на добровольных началах, смогут «ознакомиться с Россией и нашими обычаями и с возвращением на родину иметь выгодное для нас влияние на своих единоплеменников» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 41. Л. 2). Российские военачальники на Кавказе понимали, что такие люди, обладающие более широким кругозором и видением России как целостного имперского организма, органично включающего в себя самые разные народы и культуры, при этом происходящие из знатных горских фамилий, станут особенно полезными проводниками российской политики и влияния на Кавказе.

Приём горцев на военную службу как в иррегулярные, так и впоследствии в регулярные части, комплектование из них конных полков, выполнявших как военные, так и охранные, а также полицейские функции, позволило уменьшить дистанцию между российской администрацией и местным населением, снизить число размещённых на Кавказе российских войск, несущих гарнизонную, пограничную и охранную службу. У российских военачальников и администраторов складывается понимание того, что привлечение местного населения на службу даст возможность со временем добиться того, что «воинственное население гор станет само себе охраной». Также им подчёркивается роль горских военных формирований как связующего звена между местным населением и российскими властями (Гордин, 2000: 45).

Таким образом, историческая реконструкция политических решений и их практической реализации в сложных условиях военного и послевоенного времени, успехов и проблем интеграции местных элит и части воинственных горцев посредством привлечения их к военной службе в российской армии имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Северный Кавказ – сложный регион, сохраняющий своё геополитическое значение и по-прежнему подверженный влиянию со стороны Турции и Ближнего Востока. Исторический опыт имперской политики интеграции горцев в российское культурно-цивилизационное пространство является частью метанарратива истории российского Кавказа, он является свидетельством понимания места и роли его населения в структуре многонациональной и многоконфессиональной Российской империи, гибкости имперской политики, ориентированной не только на решение государственных и геополитических задач, но и на социокультурное развитие местного населения.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы архивных фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) и опубликованные сборники официальных документов: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК); Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ); военно-исторический ежегодник (Кавказский сборник). В качестве документальных источников, отражающих характер анализируемых процессов, был использован ряд исторических очерков, посвящённых военной службе горцев в составе российских регулярных и иррегулярных воинских формирований.

Методология исследования имперской политики по привлечению кавказских горцев к военной службе в 1830–1870-х гг., анализ достижений и проблем, связанных с их инкорпорацией в военное сословие России, основывались на принципах историзма, объективности и системности, а также на понимании многомерности и неоднозначности исторического развития. Принцип историзма предполагал рассмотрение имперской политики указанного периода в широком контексте основных событий Кавказской войны и последующего замирения горцев, а также общего вектора политики по интеграции и развитию национальных окраин Российской империи. Авторами применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы. Был проведён историко-политический анализ имперской политики инкорпорации горцев путём приёма их на военную службу. На основе историко-генетического метода была проведена реконструкция политики и конкретных управленческих решений, направленных на привлечение горцев к военной службе, показаны достижения и трудности их интеграции в российскую армию и российское общество. Историко-сравнительный метод дал возможность раскрыть специфику фронтирности Кавказа, осветить основные особенности этого сложносоставного края, связанные с этнической и конфессиональной пестротой, а также разнообразием форм социальных и властных отношений. Историко-политический анализ позволил рассмотреть различные документальные источники, указы и высочайшие

распоряжения, раскрывающие политическую основу привлечения горцев на военную службу, направленную на решение стратегических задач интеграции Кавказа в Российскую империю и обеспечение лояльности местных элит.

3. Обсуждение

Вхождение Кавказа в состав Российской империи в историографии XIX в. анализировалось преимущественно через призму событий и сюжетов Кавказской войны. После её завершения был собран, обобщён и опубликован значительный корпус материалов, имеющий особую значимость в связи с тем, что его авторами становились современники, а зачастую и непосредственные участники данных событий — российские офицеры и чиновники. Многие их воспоминания и другие материалы были представлены на страницах «Кавказского сборника» ([Кавказский сборник, 1876–1913](#)). Значительный вклад в исследование Кавказской войны, в том числе и в аспекте привлечения горцев к военной службе, внесли труды военных историков, таких как В.А. Потто ([Потто, 1887–1890](#)), Р.А. Фадеев ([Фадеев, 1860](#)) и Н.Ф. Дубровин ([Дубровин, 1871](#)). Ряд сведений, касающихся службы кавказских горцев в иррегулярных и казачьих войсках, был обобщён и опубликован В.К. Шенком ([Шенк, 1912](#)). В целом в конце XIX и начале XX в. был не только собран, обобщён и систематизирован огромный фактологический материал, но и проведено его осмысление, ставшее основой многих последующих исследований и трактовок.

В XX в. продолжается всестороннее изучение метанарратива Кавказской войны и исследование особенностей включения края в состав России. Среди многочисленных исследований различных аспектов имперской политики XIX в. на Кавказе, достижений и проблем интеграции горцев в российское общество, следует отметить труды Т.Х. Кумыкова ([Кумыков, 1965](#)), которые ввели в научный оборот широкий перечень архивных материалов и осветили как противоречия, так и успехи российской интеграционной политики. Служба горцев в рядах российской армии и их непосредственное участие в военных действиях также нашли отражение в ряде исследований ([Санакоев, 1976](#); [Санакоев, 1975](#)).

В начале XXI в. процессы стабилизации социально-политической ситуации на Северном Кавказе придали новый импульс исследованиям решений и конкретных практик имперской администрации по обеспечению интеграции и инкорпорации горцев в российское общество ([Шигабуудинов, 2004](#); [Муханов, 2007](#); [Zozulya et al., 2020](#); [Avdeev et al., 2025](#); [Avdeev et al., 2024](#)). Анализ архивных материалов, касающихся причин и хода Кавказской войны, позволил Ш.А. Гапурову сформулировать значимое для понимания имперской интеграционной политики на Кавказе положение о том, что «Россия, преследуя в первую очередь свои государственные интересы, в то же время несла горцам перспективу поступательного исторического развития» ([Гапуров и др., 2014](#)). Вклад в исторические исследования успехов и проблем культурной интеграции сложного и полиэтнического Кавказского сообщества в российское культурно-языковое пространство внесли работы А.Т. Урушадзе ([Урушадзе, 2016](#)).

4. Результаты

В ходе Кавказской войны для решения задач инкорпорации горцев в ряды российской армии, начиная с 1830-х гг., практиковалось образование иррегулярных конных полков из горского населения. Это предложение было сделано главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичем военному министру А.И. Чернышеву в 1829 г. Практика привлечения горцев к военной службе в российской армии стала одним из приоритетных направлений имперской политики интеграции горцев и борьбы за их лояльность. Предписывалось не только формировать конные полки «из черкес, осетин и кабардинцев», но и применять их в военных действиях против «племен независимых». При этом основным условием поступления на военную службу было добровольное согласие, т.к. в противном случае от горцев нельзя будет ожидать «ни усердия, ни верности» ([АКАК, 1881: 635](#)).

В 1835 г. утверждается положение об иррегулярных конных полках в составе Кавказского корпуса. Начинают комплектоваться два полка. Первый полк получил название Мусульманского, в его состав вошли представители закавказских народов. Второй был назван Кавказским-горским. В нём несли службу северокавказские горцы — кабардинцы, кумыки и др. Зачислялись в них добровольно. Срок службы составлял четыре года. Штатная численность полков — 600 человек. Должности полковых командиров замещались русскими штаб-офицерами, владеющими местными языками и имеющими опыт командования горцами. Замещение офицерских должностей в полках горцами было возможным, но от кандидата требовалась безусловная лояльность российскому государству и происхождение из знатных родов ([ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 8211](#)). Формирование этих частей происходило с большим трудом. Кавказский-горский полк в полном составе так и не был сформирован, он состоял только из двух сотен, вместо шести. Опыт формирования горских конных частей вкупе с политикой царских властей, направленной на продолжение интеграции горцев в Российскую империю путём военной службы, стали основой для создания в 1851 г. Дагестанского конно-иррегулярного полка ([ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 26. № 2583](#)). Данный полк участвовал в ряде

сражений не только на Кавказе, но и на других театрах военных действий, проявив усердие и отвагу, что подтверждается рядом наград. Создание иррегулярных горских формирований способствовало не только решению военных задач и интеграции горцев, но и формированию боевого сотрудничества с дружественным горским населением, которое приводило к углублению разделения между лояльными и враждебными России горцами. За верность и храбрость, проявленные во время боевых действий, горцев награждали орденами, медалями и деньгами. Для награждения мусульман решением императора Николая I от 1844 г. на российских орденах христианские символы заменялись двуглавым орлом, что является одним из примеров уважения к религиозным чувствам подданных, а также проявлением необходимой в огромной многоконфессиональной империи управленческой гибкости.

Одним из важных направлений имперской политики инкорпорации горцев в российское государство стало привлечение знати к военной службе. Горская знать, традиционно обладающая властными полномочиями и огромным авторитетом, имела большое влияние на своих соплеменников и могла направить их как на сотрудничество с российскими властями, так и на вооружённое противодействие им. В связи с этим привлечение на военную службу местной знати становится одной из приоритетных политических задач. Так, главнокомандующий Кавказской армией и кавказский наместник князь А.И. Барятинский поддерживал идеи кавказского наместника князя М.С. Воронцова, предполагавшие постепенную инкорпорацию в ряды российского дворянства лояльных представителей горской знати посредством привлечения их к военной службе (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 4, 12). При этом российская администрация учитывала и такие ментальные особенности горских элит, как властолюбие, наследственная гордость и стремление к почестям и наградам. Например, в 1844 г. высочайшим повелением было указано командующему Отдельным Кавказским корпусом титуловать владетельного князя Сванетского «Сиятельством», а также разрешить ему выдачу денег для компенсации малых доходов, получаемых с наследственных земель (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 624. Л. 1). Это было значимым политическим шагом, т.к. позволяло обеспечить лояльность Сванетии, имеющей для России определённое военно-стратегическое значение.

Предложения по привлечению горцев к регулярной военной службе начали активно претворяться в жизнь на завершающем этапе Кавказской войны. Успешное завершение войны привело к росту полярных настроений среди местных элит и населения. Часть горцев, настроенная враждебно к России, стремилась переселиться в Османскую империю, тогда как другие желали сотрудничать с Российской империей, в том числе и путём поступления на военную службу (Avdeev et al., 2024a). Много пророссийски настроенных горцев было среди знатных осетин. Так, Барятинский в 1859 г. ходатайствовал перед Военным министерством о зачислении в регулярную армию «четырёх бадилат из осетин» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 2). По его мнению, привлечение горской знати, с детства обучавшейся верховой езде, к армейской службе не только станет значимым источником комплектования регулярной кавалерии, но и по окончании службы позволит иметь лояльный кадровый ресурс административного управления на местах (РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 41. Л. 2). Было предложено разрешить Главнокомандующему Кавказской армии по рекомендации местного начальства, подтверждавшего знатное происхождение и лояльность желающих поступить на военную службу горцев, принимать их на службу в регулярные части. Такие горцы наделялись правами вольноопределяющихся первого разряда, им присваивались чины унтер-офицеров. После четырёхлетней службы предоставлялась возможность производства в офицеры. Это предложение Барятинского в том же году было направлено военным министерством в Кавказский комитет (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 236. Л. 1). После одобрения комитетом вопрос о дозволении знатым горцам поступать на службу в качестве вольноопределяющихся был одобрен Александром II. Лояльные России отпрыски знатных горских фамилий получили возможность путём добросовестной военной службы добиться производства в офицеры и тем самым начать процесс инкорпорации в российское дворянство.

Другим шагом по обеспечению лояльности стала выплата значительного денежного содержания представителям горской знати, перешедшим на сторону России. Например, в 1859 г. по распоряжению Барятинского было назначено содержание наибу Талхику Бациеву, верному российским властям, в размере 500 руб. серебром в год (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 94. Л. 1). Им отмечается, что привлечение таких людей «нужно для пользы края» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 94. Л. 2). Некоторые именитые горцы, поступившие на военную службу и получавшие за это денежные вознаграждения и иные преференции, переходили на сторону противника. Часть из них впоследствии вновь меняла сторону и снова принималась на российскую службу. Так, один из аварских военных вождей Хаджи-Мурат, изначально бывший противником Шамиля и занявший лояльную России позицию, в 1840 г. становится сторонником имама, назначается аварским наибом и воюет на его стороне до 1851 г. Затем он вновь переходит на сторону России и просит у «Русского Правительства защиты и прощения» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 6). Пленённый в детстве, воспитывавшийся в российской дворянской семье и дослужившийся до чина майора российской армии, Бота Шамурзаев в 1844 г. переходит на сторону Шамиля и назначается наибом. В 1850 г., после лишения его этой должности, переходит на российскую сторону (Туркаев, 2008: 212). В целом, российская администрация, стремясь заручиться поддержкой и лояльностью горской знати, зачастую прощала её представителям переход на сторону противника и, по возвращении, предоставляла им

защиту, содержание и восстановление прежних званий. Само служение России оборачивалось для многих горцев болезненным конфликтом между долгом службы и родовой, а также религиозной идентичностью, что во многом объясняет их неожиданные переходы на ту или другую сторону.

Представители горской знати не имели документальных подтверждений своего происхождения, необходимого для присвоения им титулов согласно законам Российской империи. Это было связано с тем, что социальные отношения на Кавказе строились на основе обычаев, и не существовало административных учреждений, документально оформлявших сословный статус (РГИА. Ф. 1268. Оп. 6. Д. 153. Л. 32). В связи с этим проблема определения порядка титулования и права на ношение той или иной княжеской фамилии в спорных случаях требовала специального рассмотрения. Например, в 1852 г. Кавказским комитетом началось рассмотрение прошения поручика Амзаева о присвоении фамилии владетельных кумыкских князей Хамзаевых и княжеского титула в связи с его происхождением. После долгих обсуждений и поддержки Барятинского комитетом было принято решение подтвердить право поручика на использование княжеского титула, утверждённое императором Александром II в 1859 г. (РГВИА. Ф. 383. Оп. 1. д. 41. Л. 370). Сложными были вопросы права владения землёй, принадлежащей знатным горским фамилиям. Например, в 1860-е гг. во время введения военно-народного управления на территории Дагестана и упразднения Тарковского шамхальства, Мехтулинского и Кюринского ханств право собственности на земли сохранялось только за наиболее влиятельными и родовитыми фамилиями (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-3). Другие родовые земли формально переходили в имперское управление с возможной передачей в наследственную собственность в качестве награды за службу и лояльность.

Удачным решением, удовлетворяющим тщеславию, демонстрирующим особое доверие, укрепляющим на Кавказе авторитет и лояльность верховной российской власти, стало привлечение представителей знатных горских родов к службе в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя (далее – СЕИВК). Для этой службы отбирались представители знатных семейств, пользующихся большим авторитетом у местного населения, что способствовало формированию привлекательного образа служения России. Служба в СЕИВК позволяла не только улучшить материальное положение, но и сделать быструю карьеру. Но наиболее значимым в глазах горцев было оказанное им высочайшее доверие и уважение. Первый набор в полуэскадрон конвойной службы был произведён после высочайшего повеления Николая I от 18 сентября 1828 г. Далее знатных горцев стали набирать в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон (Галушкин, 2004: 25). В состав первого набора вошли кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы и туркмены. В связи с большими сложностями, вызванными сырым и холодным петербургским климатом, другой социокультурной средой и непривычным образом жизни, молодым людям предоставлялось необходимое для адаптации время (Петин, 1899: 48). После полуторамесячной адаптации начинались занятия с учётом культурно-языковой специфики. В 1830 г. утверждается штатная структура полуэскадрона. Для закупки обмундирования и оружия из казны было выделено 134 319 рублей 24 коп. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 5. № 3641).

Комплектовать Кавказско-Горский полуэскадрон предписывалось только из числа знатнейших фамилий горцев, которые помимо знатности своего рода имели большое влияние на местное население. Эта мера позволяла зачисленным в полуэскадрон «ближе знакомиться с видами правительства, образом мыслей и обычаями русских» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 7983). Для ликвидации языкового и культурного барьера чины полуэскадрона причислялись к Дворянскому полку, где они могли в процессе общения усваивать русский язык, принятые среди российского офицерства нормы и правила поведения. При этом тяготы службы вкупе с непривычными условиями жизни приводили к тому, что многие горцы просили возвратить их на родину. Однако эти просьбы не удовлетворялись. Позиция властей была основана на том, что тяготы и трудности службы не могут стать препятствием для включения горской элиты в служивое сословие империи. Для чинов СЕИВК были разработаны специальные правила, учитывающие исламскую специфику. Так, выделяемые продукты питания не должны были нарушать религиозные предписания; предоставлялось необходимое время для молитв и бесед с эфенди. Пресекались оскорбления, вызванные плохим знанием русского языка и этнокультурными особенностями горцев. К ним не применялись телесные наказания, разрешались конные прогулки, ношение личного оружия и встречи с соотечественниками в свободное от службы время (Петин, 1899: 58-59). Создание Горского полуэскадрона позволило не только инкорпорировать привлекаемых представителей горской элиты, но и готовить для Кавказа надёжные офицерские и управленческие кадры.

Другим шагом по привлечению представителей горской знати к регулярной военной службе стал набор детей знатных горских фамилий в кадетские корпуса. Одной из целей их подготовки была постепенная интеграция горской элиты в привилегированное сословие империи. В 1830 г. в петербургский кадетский корпус было зачислено порядка пятидесяти юношей из числа сыновей родовитых горских князей и узденей (Гребенкин, 2019: 77). Кроме православных юношей, набирались и мусульмане. При этом рекомендовалось подбирать их из числа всех народов Кавказа (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. № 1067). По окончании подготовки кадеты получали звания офицеров и распределялись в казачьи полки, несшие службу на Кавказе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 8107).

Обучение детей горских князей и узденей в петербургском кадетском корпусе имело целью с малолетства прививать будущим офицерам и управленцам Кавказа чувство преданности и благодарности России и лично государю (Гребенкин, 2019: 75). По распоряжению генерала А.Х. Бенкендорфа в 1835 г. кадетский корпус Санкт-Петербурга был пополнен тридцатью юными знатными горцами (Хоретлев, 1957: 21). Учёба детей горцев в кадетском корпусе обременялась значимыми проблемами, связанными с образом жизни и непривычной культурно-языковой средой. Жёсткая дисциплина и постоянный контроль противоречили свободолюбию и вольному нраву горских детей. Они также плохо адаптировались к природно-климатическим условиям Северной столицы и часто болели. В связи с этим начальству Кавказского края предписывалось забирать на родину кадетов, возвращение которых «по их болезням будет признано необходимым» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 28. № 27199). Поэтому число кавказских кадетов было невелико. К середине 1830-х гг. практика привлечения горских детей в кадетские корпуса расширяется, увеличивается число воспитанников.

Особое внимание уделялось условиям жизни и быта кадетов-горцев. Их парадная форма шилась за счёт казны и во многом повторяла собой национальную одежду, что способствовало сохранению национальной гордости и подчёркивало особый статус воспитанника. Для сохранения основ национального языка, стираемого в процессе обучения в кадетском корпусе, к малолетним воспитанникам прикомандировывался офицер-горец из состава Горского полуэскадрона, посещавший раз в неделю корпус для общения на родном языке (Жэрвэ, 1912: 341). Практиковалось уважительное отношение к религиозной идентичности воспитанников-мусульман. С 1835 г. им было позволено регулярно молиться и вводилось преподавание Закона Божьего по программе, разработанной мусульманскими муллами. Освобождались от занятий кадеты-мусульмане в дни празднования Курбан-байрама и Ураза-байрама (Гребенкин, 2019: 87, 90).

Подготовка горских юношей в кадетских корпусах империи решала, наряду с военными, политическую задачу инкорпорации их в сословную структуру российского общества, а также позволяла воспитывать для края лояльные офицерские и управленческие кадры. Решение этих задач осуществлялось властями максимально гибко с учётом как религиозных чувств, так и этнокультурных особенностей воспитанников. Выпускников отправляли не только на Кавказ, но могли распределять в различные полки, дислоцированные в других частях империи. Так, командующий в 1831–1837 гг. Кавказским корпусом Г.В. Розен предлагал выпускников кадетских корпусов направлять «во всякие полки армии», в Кавказский же корпус только в случае крайней необходимости и только при условии их «добронравия и крепости образа мыслей» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. № 7983). Николай I не поддержал это предложение и предписал направить выпускников кадетского корпуса в казачьи конные полки, нёсшие службу на Кавказе. Следующие выпуски также должны были отправляться служить на Кавказ. Это косвенно свидетельствует о высочайшем доверии к офицерам-горцам, служившим в российской армии. Наряду с отправкой детей горской знати в кадетские корпуса при Кавказском корпусе с середины 1830-х гг. создавались специальные школы для воспитания горских детей. Г.В. Розен в 1836 г. предлагал Николаю I обучать в данных школах 864 горских мальчика. Данное предложение было поддержано, и к концу 1837 г. при батальонах Кавказского корпуса проходили подготовку около двухсот «военных воспитанников» (АКАК, 1881: 382). В 1840-е гг. расширяется география зачисления горцев в кадетские корпуса, растёт и число воспитанников. Наряду с Петербургом, их предлагается определять в московские и другие провинциальные кадетские корпуса. Николай I повелевает воспитывать горцев только в Петербурге и Москве в связи с тем, что только здесь легче всего организовывать и контролировать учебный и воспитательный процесс (Гребенкин, 2019: 92).

В начале 1850-х гг. Кавказский комитет по инициативе наместника Кавказа М.С. Воронцова предложил наряду с отпрысками знатных горских фамилий разрешить набор в кадетские корпуса детей офицеров-горцев незнатного происхождения, которые смогли дослужиться до чина майора. Это предложение основывалось на том, что горцы-офицеры, во-первых, пользовались уважением среди местного населения, во-вторых, проявили большое усердие в службе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 26. № 25665). Инициатива Воронцова была одобрена Николаем I. При этом дети офицеров-горцев, выпущенные из кадетских корпусов, могли дослужиться только до майорского чина. В целом привлечение юных горцев к обучению в кадетских корпусах и их последующее производство в офицеры были оценены властями неоднозначно. Религиозные и культурно-языковые барьеры зачастую не позволяли выпускникам кадетских корпусов успешно инкорпорироваться в офицерскую среду. В период Кавказской войны наряду с добросовестной службой были случаи перехода офицеров-горцев на враждебную России сторону. В этой связи вновь актуализировались вопросы, связанные с конкретными шагами, направленными на организацию подготовки будущих горских офицеров в кадетских корпусах. Например, в 1853 г. военный министр писал командующему Кавказским корпусом, что «цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях не достигается» (Штруба, 2010: 6). По завершении Кавказской войны и замирению края вектор интеграционной политики смещается в сторону расширения возможностей

получения детьми горцев светского образования. Ликвидируется особый статус кавказских воспитанников, их приём и обучение в кадетских корпусах осуществляется на общих основаниях.

По завершении Кавказской войны и окончательному включению Северного Кавказа в состав Российской империи, инкорпорация горцев, наряду с привлечением их к военной службе, осуществляется путём формирования милицейских конных формирований, призванных обеспечить общественный порядок и безопасность. В 1860 г. на добровольной основе начинает формироваться Терский конно-иррегулярный полк. Штатный состав полка включал в себя порядка шестисот кавалеристов. Кроме задач обеспечения «общественного благоустройства и безопасности в Терской области», полк мог быть привлечён к решению военных задач как в области, так и за её пределами (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 2. Л. 1). Этот полк был сформирован в 1861 г. и заместил два казачьих полка, вернувшихся на Дон. Его формирование планировалось как временная мера в целях обеспечения правопорядка на новых территориях. В ходе создания конной милиции возникли и проблемы, снижающие эффективность её применения. Происходили злоупотребления, связанные с использованием ассигнованных на её содержание средств и отчётности по ним. Привлекались на службу довольно часто люди случайные, подбор и подготовка горцев для несения службы в милицейских подразделениях осуществлялись недостаточно тщательно. В связи с этим горцы-милиционеры не могли в полной мере справляться с обязанностями милицейской службы. Несмотря на серьёзные недостатки, командующий Кавказской армией Г.Д. Орбелиани подчёркивал нужность горской конной милиции, которая должна решать не столько военные, сколько полицейские задачи по поддержанию общественного порядка среди местного населения. Для этого милиционеры распределялись по десять-двадцать человек для несения службы «при набах, окружных начальниках и их помощниках». Им вменялось сообщать властям «что делается в народе», а также передавать жителям распоряжения местных властей (АКАК, 1904: 675).

В дальнейшем для повышения эффективности полицейской службы на замиренных территориях, по мнению Орбелиани, следовало замещать временные милицейские иррегулярные формирования постоянными, основываясь на опыте Дагестанской области, где подобная реорганизация уже была проведена, и милиция стала «действительной связью между народом и начальниками» (АКАК, 1904: 675). В 1862 г. в Терской области на постоянной основе формируется охранная стража и земская полиция, основными задачами которых стало «наблюдение за внутренней безопасностью и благоустройством в округах горского населения». Стражникам и полицейским вменялось в обязанность собирать сведения о происшествии на вверенных им территориях, а также проводить задержание местных жителей, подлежащих аресту (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 99. Л. 113). Для повышения статуса охранной и полицейской службы, она приравнялась к службе в иррегулярных войсках. В целях дальнейшего упорядочения и улучшения местного управления в 1865 г. принимается решение преобразовать охранную стражу, земскую полицию и конно-иррегулярный полк в постоянную милицию численностью порядка четырнадцати сотен конных стражников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 2. Л. 1, 5). При этом пристальное внимание было направлено на подбор офицеров из числа уроженцев Терской области. Они должны были отличаться проверенной преданностью, а также иметь уважение и влияние среди местного населения (РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 99. Л. 113). В задачи постоянной милиции входило обеспечение внутренней безопасности, а также кордонная и дорожная служба.

Наряду с охранными функциями милицейские и иррегулярные части проявили себя в ходе военных действий. Наиболее значимым событием, потребовавшим участия как регулярных, так и иррегулярных войск, стало подавление восстания в Чечне 1877–1878 гг. В целом за годы службы горские формирования продемонстрировали свою лояльность и высокий боевой дух, за что были награждены. Например, ингушскому дивизиону Терско-Горского конно-иррегулярного полка в 1877 г. был пожалован за воинские заслуги георгиевский штандарт, а осетинскому дивизиону – георгиевское знамя (Баев, 1903: 23-24). Усердие и заслуги рядовых горцев, служивших в этих формированиях, отмечались наградами — орденами и медалями (История народов..., 1988: 292). По завершении службы горцы-офицеры, а также сыновья и вдовы погибших, получили в награду земельные наделы (Социальные отношения, 1979: 130-131). Таким образом, имперская политика инкорпорации кавказских горцев в 1830-х – 1870-х гг. путём привлечения их на военную службу отличалась гибкостью и вариативностью подходов, имела как свои несомненные достоинства, так и недостатки, связанные с проблемами реализации управленческих решений на местах, нехваткой административных кадров и некоторой непоследовательностью принимаемых решений. При этом основные задачи — замирение Кавказа, организация на присоединённых территориях мирной жизни, обеспечение общественного порядка и безопасности в целом — были решены.

5. Заключение

Одним из наиболее эффективных способов обеспечения лояльности горского населения имперской власти, включения новых территорий в состав России было привлечение горцев к военной службе и инкорпорация горских элит в российское привилегированное служилое сословие. Для горцев это стало эффективной возможностью карьерного роста и повышения материального

достатка, а также действенным механизмом социокультурной интеграции в сословное и многонациональное российское общество. Политика интеграции горцев носила гибкий характер, во многом опиралась на уважение к их вере, языковым и культурным особенностям, доверие к тем, кто выказал свою лояльность и изъявил желание служить России и государю. Гибкость подходов и уважение к вере, языку и традициям проявлялись в таких деталях, как сохранение права носить национальную одежду, обеспечение возможности соблюдать религиозные предписания и использовать родные языки. За боевые заслуги горцев-мусульман награждали специальными наградами, лишёнными христианской символики. Характер и условия службы учитывали присущую горцам специфику военных действий — служба в конных иррегулярных и регулярных частях.

Привлечение горцев к военной службе позволило решить ряд актуальных задач по их интеграции и инкорпорации в Российскую империю. Была сформирована прослойка лояльных к российской власти представителей знатных и уважаемых горских фамилий. Они стали проводниками российской политики и социокультурного влияния на Кавказе, примерами доблестного служения, успешной карьеры и возможности инкорпорации в российский офицерский и управленческий корпус. Формирование иррегулярных и милицейских частей, наряду с военными, дало возможность в целом успешно решить задачи по обеспечению общественной безопасности, правопорядка и организации местного управления.

Кроме положительных сторон, имперская политика инкорпорации горцев путём военной службы имела и существенные недостатки, связанные с непоследовательностью управленческих решений и низкой эффективностью их реализации на местах. Сказывались нехватка квалифицированных офицерских и управленческих кадров, знающих специфику края, и казнокрадство местных начальников. Горцы, отправляемые для учёбы и службы в Санкт-Петербург и Москву, с трудом адаптировались к новым, непривычным им природно-климатическим условиям. Серьёзным препятствием стал культурно-языковой барьер и новые условия жизни. На протяжении всего рассматриваемого периода существовали серьёзные проблемы с комплектованием горских иррегулярных полков. Их реальная численность значительно уступала штатному расписанию, а должности нижних чинов зачастую замещали случайные люди, не готовые и не способные исполнять свои служебные обязанности. В целом, несмотря на сложности и проблемы, привлечение горцев к военной службе способствовало решению основных задач по интеграции местного населения в российское государственное и социокультурное пространство, давало возможность инкорпорировать горские элиты в сословные структуры империи.

Литература

- [АКАК, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. 1033 с.
- [АКАК, 1904](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1558 с.
- [Баев, 1903](#) – Баев Г. Осетинский дивизион. Историческая справка. Владикавказ, 1903. 31 с.
- [Галушкин, 2004](#) – Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. 416 с.
- [Гапуров и др., 2014](#) – Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // *Научная мысль Кавказа*. 2014. №4. С. 90-100.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Гребенкин, 2019](#) – Гребенкин А.Н. Особенности обучения и воспитания малолетних горцев в кадетских корпусах Российской империи в XIX в. / *Военная история России XIX-XX веков. Материалы XII Международной военно-исторической конференции*. СПб., 2019. С. 74-95.
- [Дубровин, 1871](#) – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. 669 с.
- [Жэрвэ, 1912](#) – Жэрвэ Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712-1912. Т. 1. СПб., 1912. 464 с.
- [Зиссерман, 1890](#) – Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Барятинский (1815-1879). Т. 2. М., 1890. 458 с.
- [История народов..., 1988](#) – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М., 1988. 659 с.
- [Кавказский сборник, 1876–1913](#) – *Кавказский сборник*. Т. 1-32. Тифлис, 1876–1912.
- [Кумыков, 1965](#) – Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. 419 с.
- [Муханов, 2007](#) – Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. 428 с.
- [Петин, 1899](#) – Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899. 443 с.
- [Потто, 1887–1890](#) – Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1-5. СПб., 1887–1890.

- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 Гордин, 2000 – Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.
 Санакоев, 1975 – Санакоев М.П. Страницы боевой дружбы. Цхинвали, 1975. 198 с.
 Санакоев, 1976 – Санакоев М.П. Чеченцы и ингуши – участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Вопросы истории Чечено-Ингушетии*. Т. X. Грозный, 1976. С. 214–231.
 Социальные отношения, 1979 – Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). Грозный, 1979. 192 с.
 Туркаев, 2008 – Туркаев Х.В. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. Исследования и документы. М., 2008. 631 с.
 Урушадзе, 2016 – Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д, 2016. 279 с.
 Фадеев, 1860 – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 159 с.
 Хоретлев, 1957 – Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.). Майкоп, 1957. 136 с.
 Шенк, 1912 – Шенк В.К. Казачьи войска. СПб., 1912. 496 с.
 Шигабуудинов, 2004 – Шигабуудинов Д.М. Россия и народы Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 2004. 304 с.
 Штруба, 2010 – Штруба В.А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2010. № 3(5). С. 5–14.
 Avdeev et al., 2024 – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1663–1673.
 Avdeev et al., 2024a – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 738–749.
 Avdeev et al., 2025 – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century // *Bylye Gody*. 2020. 20(2): 710–720.
 Zozulya et al., 2020 – Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S. The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System. // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2651–2660.

References

- АКАК, 1881 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. 1881. Vol. VIII. Tiflis. 1033 p. [in Russian]
 АКАК, 1904 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej (1904). [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. 1904. Vol. XII. Tiflis. 1558 p. [in Russian]
 Avdeev et al., 2024 – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1663–1673.
 Avdeev et al., 2024a – Avdeev, E.A., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region. *Bylye Gody*. 19(2): 738–749.
 Avdeev et al., 2025 – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2025). The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 710–720.
 Baev, 1903 – Baev, G. (1903). Osetinskij divizion. Istoricheskaja spravka [Ossetian Division. Historical background]. Vladikavkaz. 31 p. [in Russian]
 Dubrovin, 1871 – Dubrovin, N.F. (1871). Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaze [History of the war and rule of the Russians in the Caucasus]. Т. 1. Kn. 1. SPb. 669 p. [in Russian]
 Fadeev, 1860 – Fadeev, R.A. (1860). Shest'desjat let Kavkazskoj vojny [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis. 159 p. [in Russian]
 Galushkin, 2004 – Galushkin, N.V. (2004). Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj [His Imperial Majesty's Own Convoy]. Moskva. 416 p. [in Russian]
 Gapurov i dr., 2014 – Gapurov, Sh.A., Bugaev, A.M., Chernous, V.V. (2014). K 150-letiju okonchanija Kavkazskoj vojny: o hronologii, prichinah i sodержanii [On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: about the chronology, causes and content]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4: 90–100. [in Russian]
 GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation].
 Grebenkin, 2019 – Grebenkin, A.N. (2019). Osobennosti obuchenija i vospitanija maloletnih gorcev v kadetskikh korpusah Rossijskoj imperii v XIX v. [Features of the training and education of young highlanders

in the cadet corps of the Russian Empire in the 19th century]. *Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov. Materialy XII Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii*. SPb. Pp. 74-95. [in Russian]

[Horetlev, 1957](#) – *Horetlev, A.O.* (1957). Vliyanie Rossii na prosveshchenie v Adygee (XIX – nachalo XX v.) [The influence of Russia on education in Adygea (19th – early 20th centuries)]. Maykop. 136 p. [in Russian]

[Istorija narodov..., 1988](#) – *Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917)]. 1988. T. 2. Moskva. 659 p. [in Russian]

[Kavkazskij sbornik, 1876–1913](#) – *Kavkazskij sbornik (1876–1912)*. T. 1-32. Tiflis. [in Russian]

[Kumykov, 1965](#) – *Kumykov, T.H.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nalchik. 419 p. [in Russian]

[Muhanov, 2007](#) – *Muhanov, V.M.* (2007). Pokoritel' Kavkaza knjaz' A.I. Barjatinskij [Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky]. Moscow. 428 p. [in Russian]

[Petin, 1899](#) – *Petin, S.* (1899). Sobstvennyj Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoj. Istoricheskij ocherk [His Imperial Majesty's Own Convoy. Historical Essay]. SPb. 443 p. [in Russian]

[Potto, 1887–1890](#) – *Potto, V.* (1887–1890). Kavkazskaja vojna v otdel'nyh ocherkah, jepizodah, legendah i biografijah [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies]. Vol. 1-5. SPb. [in Russian]

[PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

[Rossija v kavkazskoj vojne, 2000](#) – *Rossija v kavkazskoj vojne* [Russia in the Caucasian War]. SPb. 2000. 462 p. [in Russian]

[Sanakoev, 1975](#) – *Sanakoev, M.P.* (1975). Stranicy boevoy družby [Pages of military friendship]. Tskhinvali. 198 p. [in Russian]

[Sanakoev, 1976](#) – *Sanakoev, M.P.* (1976). Chechency i ingushi – uchastniki russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. [Chechens and Ingush – participants in the Russo-Turkish War of 1877–1878.]. *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii*. Vol. X. Grozny. Pp. 214–231. [in Russian]

[Shenk, 1912](#) – *Shenk, V.K.* (1912). Kazach'i vojska [Cossack troops]. St. Petersburg. 496 p. [in Russian]

[Shigabudinov, 2004](#) – *Shigabudinov, D.M.* (2004). Rossija i narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50-h gg. XIX v. [Russia and the peoples of the North-East Caucasus in the 20-50s of the XIX century]. Makhachkala. 304 p. [in Russian]

[Shtruba, 2010](#) – *Shtruba, V.A.* (2010). Obrazovanie kak jelement okul'turivaniya gorskih narodov Kavkaza na zavershajushhem jetape Kavkazskoj vojny [Education as an element of the culturalization of the mountain peoples of the Caucasus at the final stage of the Caucasian War]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 3(5): 5–14. [in Russian]

[Social'nye otnoshenija..., 1979](#) – *Social'nye otnoshenija i klassovaja bor'ba v Checheno-Ingushetii v dorevoljucionnyj period (XI – nach. XX v.)* (1979). [Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (11th – early 20th centuries)]. Grozny. 192 p. [in Russian]

[Turkaev, 2008](#) – *Turkaev, H.V.* (2008). Chechency v istorii, politike, nauke i kul'ture Rossii. Issledovaniya i dokumenty [Chechens in the history, politics, science and culture of Russia. Research and documents]. Moscow. 631 p. [in Russian]

[Urushadze, 2016](#) – *Urushadze, A.T.* (2016). Kavkaz: vzaimodejstvie kul'tur (konec XVIII – seredina XIX vv.) [Caucasus: Interaction of Cultures (late 18th – mid 19th centuries)]. Rostov-on-Don. 279 p. [in Russian]

[Zhjervje, 1912](#) – *Zhjervje, N.P.* (1912). Istoricheskij ocherk 2-go kadetskogo korpusa. 1712-1912 [Historical essay of the 2nd Cadet Corps. 1712-1912]. Vol. 1. St. Petersburg. 464 p. [in Russian]

[Zisserman, 1890](#) – *Zisserman, A.L.* (1890). Fel'dmarshal knjaz' Barjatinskij (1815–1879) [Field Marshal Prince Baryatinsky (1815–1879)]. Vol. 2. Moscow. 458 p. [in Russian]

[Zozulya et al., 2020](#) – *Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S.* (2020). The Highest Reports of Regional Heads and Governors of the North Caucasus as a Historical Source for the Study of the Russian Pre-Revolutionary Judicial System. *Bylye Gody*. 58(4): 2651–2660.

Кавказские горцы в рядах российской армии в 1830–1870-х гг.: имперская политика интеграции и проблемы инкорпорации

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a, Алексей Александрович Лагунов ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе ряда архивных материалов и документальных источников рассматривается имперская политика по интеграции кавказских горцев путём привлечения их к военной службе в 1830-х – 1870-х гг. Обеспечение лояльности горского населения имперской власти, инкорпорирование горских элит в российское привилегированное служилое сословие становятся значимыми политическими задачами. Интеграция горцев носила гибкий характер, опиралась на уважение к вере, языковым и культурным особенностям, отличалась доверием. Знаком доверия было привлечение представителей кавказской знати к конвойной службе при высочайшем дворе в составе Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. В этот период принимается ряд системных шагов по организации обучения на особых условиях знатных горских юношей в петербургском, а затем и московском кадетском корпусе. Из среды горского населения были образованы иррегулярные конные формирования. На завершающем этапе Кавказской войны формируется практика, дающая возможность отпрыску знатной горской семьи поступить на регулярную военную службу с последующей возможностью производства в офицеры. По завершении военных действий для обеспечения безопасности и общественного порядка создаются милицейские формирования из местного населения. Привлечение горцев к военной службе, несмотря на значительные трудности с комплектованием формируемых частей, случаи перехода на сторону противника, наличие культурно-языковых и религиозных барьеров, способствовало решению политической задачи инкорпорации местных элит в служилое сословие империи, а также помогло обеспечить лояльность широких слоёв населения и сформировать систему местного управления.

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, горцы, Кавказская война, военная служба, горские части, кадеты-горцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)